Он не любил тут бывать — даже охотиться и добывать дрова ходил совсем в другую сторону. Но сегодня выбора не было — он высыпал в горшок с молоком последнюю горсть травы. На удивление, снега было не так много, как вокруг берлоги — словно кто-то топтал тут тропу каждый раз после снегопада, или, может быть, ведьма заговорила чащу от снега. Баки чувствовал, как крепчает ветер, и то и дело всматривался в небо: заходящее солнце окрашивало облака в кровавые цвета скорой вьюги, и Баки припустил скорее, боясь не управиться и не вернуться до того, как заметёт пурга. И только поэтому пропустил атаку: упругое мохнатое тело навалилось на него откуда-то сбоку, грозно зарычало, больно прикусив зубами бок. Волк… Баки до того опешил и испугался, что начал двигаться, только когда волк ослабил хватку и встретился взглядом глаза в глаза, оскалился и примерился пастью к шее.

Баки отмер, рука и тело всё сделали сами. Извернуться, вытаскивая охотничий нож из поясных ножен, подставить под зубы толстую шкуру на спине, воткнуть лезвие в мягкое со всей силы и дёрнуть, разрывая кожу и плоть.

Волк взвыл и забился. Он ещё пытался дотянуться до его кожи. Баки рывком вытянул лезвие и, не глядя, всадил снова. Его колотило дрожью оттого, что он пропустил волка. Он даже не смотрел по сторонам — настолько расслабился этой одинаковой жизнью. Он был где-то внутри себя, в своей голове, когда волк прыгнул на него из-за прозрачных зарослей кустарника.

— Сдохни, — хрипел он, одолеваемый ужасом того, что чуть сам не подох от волчьих клыков, и всё всаживал и всаживал длинный нож, — сдохни, умри…

Когда волк затих, Баки вытащил липкое, окровавленное лезвие и рухнул рядом на снег. Кровь высыхала от ветра, и пальцы слипались между собой и с рукоятью ножа. Это было противно, и это же убеждало его, что он пока живой. Баки лежал на снегу, тяжело дыша, и смотрел, как по небу бегут низкие снеговые облака, окрашенные снизу алым. На его лицо упали первые редкие снежинки, тут же запутались в отросшей бороде. Баки следил, как облачками пара вырывается наружу его дыхание. Хорош воин. Хорош.

Баки сильно зажмурился и разрыдался.

Он чувствовал себя поломанным калекой как никогда сильно. И как никогда сильно он задумался вдруг, зачем вообще отбивался. Зачем всё это.

Немного придя в себя, вытерев лицо и руку снегом, Баки решил идти к ведьме опять, пока не усилился снегопад. Волчью тушу он думал забрать на обратной дороге. Не пропадать же добру. И только отойдя достаточно от места их драки, он услышал вдруг доносящийся оттуда скулёж. Возле туши волка бегали совсем мелкие щенки, может быть, даже молочные. Они тыкались в остывающую волчицу — как понял Баки только сейчас — и тоненько, надрывно скулили.

Грязно выругавшись, Баки стиснул зубы, отвернулся от них и упрямо зашагал в сторону голого елового леса.

Ведьма ждала его на границе своих владений, простоволосая, закутанная в седую волчью

шкуру. Чёрные космы её развевались на ветру, путаясь в ветвях близких деревьев. В её руке болтался холщовый туго набитый мешочек.

— Ты убил Хельму, — тихо сказала ему ведьма, когда он замер, не доходя до неё десяти шагов. Даже на таком удалении от неё тянуло жутью. И только тогда понял, что она говорила про волчицу.

— Я не хотел… — кое-как выдавил из себя Баки, — я не хотел умирать. Мне не жаль.

Наверное, он был слишком смелым, потому что его колотило на ветру, ветер нещадно забирался под меховой килт и лизал, кусал голые ноги. И словно глыба льда припечатала его, когда ведьма посмотрела не сквозь него, как делала обычно, а прямо в глаза.

— Щенки без неё замёрзнут. Забери щенков с собой. Через пару ночей придёт время поворота солнца. Ты должен провести обряд по своей традиции, однорукий воин. И выманить Стива из Свиты. Вернуть его домой.

С этими словами она кинула мешочек под ноги ошарашенному Баки. И прежде чем он смог хоть что-то возразить, затерялась между ободранных тёмных стволов.

Баки всё стоял, тихие слова ведьмы оглушили его. Он собирался сказать ей много чего в ответ, но почему-то быстро остыл, развернулся и побрёл обратно по своим же следам.

Щенки лежали, свернувшись маленькими шерстяными комочками возле уже остывшей туши волчицы. Они словно прятались от ветра между её раскинутых лап и едва отреагировали на его появление. Их морды были перемазаны алым. Баки поморщился, но потом увидел чуть в стороне связку из двух тетеревов, которых так и не донёс ведьме. Значит, ей было не нужно. Видят лесные духи, он не собирался брать их с собой. Ему было плевать на двух волчьих детёнышей — не они первые, не они последние, кого заберёт эта злая холодная зима. Но слова ведьмы словно пекли откуда-то изнутри, едко жгли насквозь. Поэтому, приторочив тетеревов к поясу, Баки, рассудив здраво, взял одного щенка за шкирку и понёс в сторону землянки. Тот крутился и скулил в его руке, а второй, подпрыгивая на кривых лапах, ковылял за ними следом по снегу, жалобно потявкивая. Баки ничем не мог помочь им — они ещё были молочными и до сегодняшнего дня только лизали кровь убитых матерью зверей. Они не умели охотиться и не знали, как загонять дичь. Они были совершенно бесполезны. И их нужно было чем-то кормить.

Баки на подходах к берлоге сам зарычал вдруг, как раненый волк. Едва попав к входу в землянку, он закинул обоих щенков за шкуру, куда-то в сторону спящего Стива, постаравшись только, чтобы не попали в очаг. Зло развернулся и, прорываясь сквозь усилившуюся метель, отправился обратно в лес за тушей волчицы.

Уже в темноте, когда он вернулся с добычей и оставил её за кольями на морозе, чтобы не поело лесное зверьё, Баки залез внутрь, в тепло, и замер. Оба щенка, беспечно подобравшись под шкуры к Стиву, грели друиду ноги и бок.

http://erolate.com/book/3459/83631